

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕРЕПЛЁТ

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

СБОРНИК ФАНТАСТИКИ ◆ 2025

Михаил Марк
Точка невозврата

«Автор»

2025

Марк М.

Точка невозврата / М. Марк — «Автор», 2025

Темой сборника фантастических рассказов стало событие, изменившее мир. В каждом рассказе «точка невозврата» своя. Где-то это масштабная катастрофа, где-то — революционное открытие, а где-то — контакт с внеземной цивилизацией. Девять историй, рассказанных девятью авторами, ждут вас.

© Марк М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

АННОТАЦИЯ	5
Вечность. Александр Болотов	6
Внеклассное чтение. Дмитрий Гартвиг	18
Одиночество Мистера Счастливого. Григорий Завьялов	29
Глава 1. Жизнь в одиночестве	30
Глава 2. Сложный выбор	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Дмитрий Гартвиг, Юрий Ляшов, Анастасия
Якушева, Александр Болотов, Михаил
Марк, Реваз Качарава, Елена Янова,
Григорий Завьялов, Аника Колесникова**
Точка невозврата

АННОТАЦИЯ

Темой сборника фантастических рассказов стало событие, изменившее мир. В каждом рассказе «точка невозврата» своя. Где-то это масштабная катастрофа, где-то – революционное открытие, а где-то – контакт с внеземной цивилизацией.

Девять разных историй, рассказанных девятью авторами, ждут вас.

Вечность. Александр Болотов

– Правильно ли я понял, – Роберто Дисфарси откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на вращающееся голографическое изображение, – что за каждую такую пластинку вы заплатите по тысяче наличными?

– Да, господин Дисфарси, вы поняли меня правильно, – ответил сидевший напротив Роберто мужчина. Чёрный, сшитый по фигуре костюм в полумраке комнаты превращал собеседника в какое-то потустороннее существо.

– И количество... – начал Роберто.

– Сколько сможете привезти, – перебил его собеседник. – Мистер Дисфарси, если вы переспросите меня ещё раз, условия не изменятся: за каждую пластину с «Вечности» вы получите тысячу. Наличными. Каждая. Тысячу.

С этими словами он выключил голопроектор. Вспыхнула осветительная панель на потолке. Полумрак исчез, забрав с собой чувство иррациональности происходящего. Сидевший напротив Роберто мужчина превратился в сухопарого человека с лицом нездорового серого цвета. Кожа так плотно обтягивала его кости, что, казалось, была готова порваться.

– По рукам. – Дисфарси поднялся со стула и направился к выходу из комнаты. – Координаты и необходимую информацию пришлите на корабль. Буду ждать двенадцать часов.

Жать руку заказчику он не стал. Во-первых, тот не ответил на его рукопожатие при встрече, а во-вторых, он по необъяснимой причине хотел отказаться от этого заказа, но не находил достаточно убедительных причин для этого. Заказов, с которыми его поизносившийся «Харон» мог справиться, было не так много, а денег на ремонт или покупку нового корабля всё время не хватало.

Запрошенная информация поступила через три часа. Терминал связи стандартным писком уведомил о входящем сообщении и утрате очередной рациональной причины отказаться от полёта.

– В конце концов, чего тут можно бояться? – вслух спросил Роберто, замерев у приборной панели. С закреплённого на ней прямоугольника полипласта капитану Дисфарси улыбалась светловолосая женщина в обтягивающем комбинезоне космолётчика. Его Вария.

Вария, как всегда, промолчала, но изгиб её бровей яснее ясного говорил о презрении к поразившим Роберто опасениям. Одна пластина там точно есть, а значит, экспедиция не утянет капитана в долги.

Разозлившись на терзавшие его сомнения, он начал готовить корабль к вылету. Путь до Желлада, ледяной луны газового гиганта Вендавала, займёт не меньше пяти дней. Будет время ознакомиться и с присланными данными, и с собственными страхами.

Уже «на автомате» он проверил исправность систем, количество топлива и вручную задраил люк.

– «Харон» запрашивает разрешение на старт. – Ритуал привычной рутины возвращал Роберто утраченное спокойствие.

– «Харон», старт разрешён.

Глухо завывли двигатели, и корабль оттолкнулся от бетона стартовой площадки еле видимыми потоками плазмы.

Пять дней перелёта Роберто изучал полученные от заказчика сведения. Исследовательский корабль «Вечность» принадлежал Институту Астроархеологии. Сорок два года назад капитан сообщил, что обнаружил на Желладе техногенный объект неизвестной конструкции, тела людей и золотые пластины. Те самые, которые подписался найти Роберто.

Больше сообщений от экипажа «Вечности» не было.

Причину потери связи не установили. Корабль слишком далеко вышел за пределы обычно посещаемых областей, и отправить спасательную экспедицию сразу не смогли. Затем последовала первая корпоративная война, и казалось, что об астроархеологии забыли.

Помимо куцей хроники «Вечности», присланные заказчиком сведения содержали рекомендации по работе на месте, практически полностью состоящие из многочисленных «нельзя». Часть запретов объяснялась спецификой места упокоения корабля, а вот остальные казались странными. Например, запрещалось трогать энергосистемы «Вечности».

Разве они до сих пор функционировали?

Роберто знал на личном опыте, что практически все содержащиеся в инструкциях и руководствах запреты вписываются посмертно. Кем были сделаны записи в переданном ему руководстве, заказчик сообщать не стал. Кто-то уже пытался обследовать этот странный корабль? Кто это был и что с ним стало? Может, экипаж «Вечности» сообщил что-то, не вошедшее в отчеты? Выглядели они действительно так, словно их проверил придирчивый, но неаккуратный цензор.

Добравшись до Желлада, Роберто Дисфарси вывел корабль на орбиту над местом посадки «Вечности». Планетарный радар практически сразу обнаружил крупный металлический объект, аномальным пятном темнеющий на ледяном панцире.

А затем начались сюрпризы. Рядом с первой аномалией радар нашупал ещё четыре. Дисфарси через оптику разглядел пять полужанесённых снегом и льдом космических кораблей. Отсюда, с высоты нескольких километров, они казались невысокими надгробиями.

– Что там похоронили? Алчность? Любопытство? Страх? – спросил у Варии Роберто.

Та, как обычно, промолчала.

– Зато теперь понятно, кто дополнил инструкцию. Запишу-ка и я несколько строчек в этот талмуд. Вот только, в отличие от этих неумех, я постараюсь остаться в живых.

Он с шутливым прищуром посмотрел в глаза Варии.

– Пока тебя не найду, умирать мне смысла нет.

Динамики системы оповещения отозвались лёгким треском статики. Магнитное поле газового гиганта оказалось способно наводить помехи даже на обесточенную технику. Спонтанно возникающий электрический ток словно наделил корабль способностью говорить на неизвестном языке.

Стабилизировав орбиту, Роберто включил рацию и с деланой серьёзностью запросил в микрофон разрешение на посадку. Эфир ответил треском электрических разрядов, забывая безумной многоголосицей все диапазоны частот. Запрос «Харона» был проигнорирован.

Он ещё раз посмотрел на замершие внизу космолёты. Те продолжали недвижимо стоять на поверхности Желлада, отбрасывая тени на сковавший его поверхность лёд. В какой-то момент свет Вендавала скользнул алым по носовым обтекателям кораблей. Они последовательно вспыхнули красным, словно приветствуя или предупреждая о чем-то.

Роберто зажмурился, сбрасывая наваждение. Когда он вновь посмотрел на выбранное место посадки, оно было скрыто темнотой. Он налил себе кофе и приказал автоматике посадить корабль. Какие бы фантомы ни ждали его внизу, они оставались просто фантомами.

* * *

Желлад встретил Роберто Дисфарси летящими сквозь разрежённую атмосферу ледяными кристалликами. Их удары о скафандр сливались в монотонный гул, создавая ощущение работающей неподалёку мощной турбины. Однако и ветер, и лёд, и создаваемый ими шум имели исключительно природное происхождение. Изделия рук человеческих – пять наполовину скрытых белым панцирем космических кораблей – оставались мертвы.

Роберто принял это обстоятельство как ещё один пункт инструкции, пусть и не внесённый ещё в её текст. Он решил отправить «Харон» на орбиту вокруг Желлада сразу после высадки, дав автоматике задачу ждать его команды. Видеть «Харон» своим надгробием не хотелось.

Выкатив с корабля транспортную платформу и загрузив её инструментами, Дисфарси захватил за ближайший к нему корабль. «Харон» ударил плазмой в поверхность планетоида, и лёд под колесами вздрогнул. Меньше чем через минуту корабль завис в небе Желлада новым спутником, светясь отражённым светом.

Теперь, даже если что-то случится, «Харон» останется в безопасности на орбите. Роберто осмотрел корабль, за корпусом которого прятался. Сквозь покрывавшую носовой обтекатель тонкую ледяную корку проступало название: «Октавиус». Грузовой люк и дюзы двигателя были скрыты несколькими метрами льда. Не подобраться. Овал эвакуационного люка был скрыт только наполовину.

Дисфарси достал плазменную горелку и широким раскалённым потоком выплавил углубление в ледяном панцире, запустив в атмосферу вихрь водяных паров. Металл корабля блеснул серебром, и Роберто вдавил внутрь рычаг открытия люка. Ничего не произошло. Пришлось доставать инструмент и вскрывать люк вручную. Освобождённая от запоров крышка успела примёрзнуть и поддалась с трудом. Вторая дверь шлюза оказалась распахнута, и Роберто увидел неосвещённый туннель коридора, на полу которого поблёскивали ледяные кристаллы.

Корабль был бесповоротно мёртв. Единственным его обитателем казался прорвавшийся с поверхности ветер. Включив налобный фонарь, Роберто вошёл внутрь. Рубка корабля располагалась недалеко от люка: надо было пройти несколько метров к расположенной по центральной оси шахте лифта.

Он преодолел этот путь за несколько секунд и, войдя в центр управления кораблём, замер. Ожидаемо не работал ни один индикатор, а приборную панель покрывал тонкий слой инея. Неожиданным было увидеть закреплённую поверх кнопок и экранов табличку с надписью: «Не включать реактор». Надпись была сделана от руки синей краской, а поверхностью для неё служил фрагмент обшивки.

Он подошёл ближе и попытался взять табличку, но не смог. Она оказалась приварена к металлическому штырю, вбитому в кнопку управления реактором.

Энергии в корабле не было совсем. Быстрый осмотр тоже не принёс результатов. Корабль был брошен. Часть его оборудования была демонтирована, но покрывший всё иней не позволял понять, как давно это произошло. Ограбили «Октавиус» уже на Желладе или его капитан продал последнее, чтобы добраться сюда?

Роберто выбрался на поверхность и взобрался на транспортную платформу. Встав у руля, он заметил, что продолжает держать в руках горелку, словно оружие. Он ослабил хватку и посмотрел вверх на яркую звёздочку своего корабля. Что он должен встретить, чтобы решиться убить «Харон» и, судя по всему, себя?

Он решил объехать все стоявшие рядом корабли, прежде чем входить в «Вечность». Причина? Он хотел понять, почему они замолчали. Ни один из них не имел видимых повреждений и явно прибыл сюда самостоятельно, а вот улететь обратно уже не смог. Хотелось узнать почему. Вдобавок Роберто грела надежда, что нужный ему груз уже найден и хранится на борту корабля одного из его предшественников.

«Сайя», «Сиберд» и «Мару» – все три утонули во льду наполовину, и на поверхности были видны только конусы носовых обтекателей. «Мару» и «Сайя» оказались мертвы, как и «Октавиус». Разбитая приборная панель, запрещающая включать реактор табличка и следы демонтажа в стойках оборудования. Версия о нищесбродах-космолётчиках, отдавших всё за прибытие сюда, казалась всё менее состоятельной.

Окончательно она разбилась об исправный шлюз «Сиберга». Проплавив туннель до люка, Дисфарси уже привычным движением ударил по пластине, скрывающей аварийный рычаг. Однако в этот раз корабль не смолчал, а высветил прямо перед оторопевшим Роберто голографический прямоугольник глубокого фиолетового цвета.

От неожиданности он выстрелил из горелки в возникшую голограмму, и комок плазмы пробил в ледовом покрове небольшую лунку. Присмотревшись, он с трудом различил синюю надпись: «Закрой за собой люк». Разница в цвете фона и букв была настолько незначительной, что Роберто не сразу смог прочитать эти несколько слов.

Он потянул за рычаг, и люк распахнулся. Внутренняя дверь шлюза была заперта, а на полу лежала искорёженная груда металла, очень похожая на робота, конструкцию которого определить было невозможно. Неосознанно Роберто выставил горелку вперёд, направив в сторону второй двери шлюза. Корабль больше никак не проявлял себя, внутренняя дверь оставалась заперта, а радиоэфир – пуст.

– Видимо, он не закрыл за собой дверь, – вслух произнёс Роберто. – «Харон», проверка связи. Доложить о состоянии систем.

– Системы работают штатно. Перегрузки в пределах допустимого, – донёсся механический голос «Харона».

– Перегрузки у него, – проворчал Дисфарси и вошёл в шлюз.

Он аккуратно закрыл за собой люк, не желая повторить судьбу погибшего механизма. Оказалось, что внутри не совсем темно: сквозь покрывающую стены изморозь лился синий свет. Он без труда нашёл рычаг, открывающий внутреннюю дверь, и потянул его. С лёгким щелчком люк приоткрылся, и Роберто заглянул внутрь, держа перед собой горелку. Коридор был пуст.

Здесь также блестел иней на стенах, но слой его был тоньше. На полу коридора проходила тёмная полоса, в которой проступали следы ботинок. Оборудование сохранилось, а сам корабль не выглядел таким же разорённым, как предыдущие. Однако он тоже был мёртв. Датчики скафандра сообщали, что во внутренней атмосфере нет кислорода, температура внутри существенно ниже точки замерзания воды, а автоматика ведёт себя словно после тяжёлой болезни – вяло и равнодушно.

Он медленно шёл по коридору в сторону рубки. Идти скрытно в скафандре было невозможно, поэтому Роберто громыхал магнитными подошвами, не скрываясь. Если кто-то ждал его в засаде, он мог не выдержать такой наглой жертвы и напасть раньше, чем планировал.

Прямой участок коридора закончился, и теперь начинался плавный поворот, огибавший рубку и выходящий к осевой транспортной шахте. Датчики продолжали сообщать о холоде и непригодной для дыхания атмосфере. В ней оказалось много сероводорода, неприятный аромат которого Роберто не ощущал только благодаря скафандру.

Впереди показалась дверь в рубку. Капитан Дисфарси остановился. Дверь была приоткрыта, и через щель в коридор падали лучи синего цвета. Светилось что-то не очень яркое, но дающее повод насторожиться. В предыдущих трёх кораблях не светилось ничего. Роберто снова проверил показания приборов, но те не сообщили ничего нового. Держа горелку перед собой, он осторожно подошёл к двери в рубку.

Щель оказалась довольно широкой: сантиметров двадцать. Источник света он увидел сразу – подвешенный к потолку фрагмент обшивки, обмазанный каким-то люминофором. Из-за этого свет был слабым, но ровным. Рубка казалась пустой. Приборная панель – отключена, а пилотское кресло – свободно.

Роберто открыл дверь, касаясь её только горелкой. Ничего не произошло, и он шагнул внутрь. Индикаторы мигнули, отмечая повышение концентрации сероводорода. «Воняет тут как в канализации», – подумал Роберто, почему-то не решаясь по обыкновению произнести

адресованную самому себе фразу вслух. А потом он увидел лежащий в углу комок чёрной плоти, из которого лучами расходились восемь щупалец.

От неожиданности он выпустил в обнаруженное нечто заряд плазмы, но пятно осталось неподвижным. В месте попадания заряда плазмы появилось только небольшое облачко пара. Роберто всё равно не стал к нему приближаться и по дуге подошёл к приборной панели. Здесь не было табличек или разбитых органов управления. Вместо этого по всей её поверхности было нацарапано: «Мы здесь не одни, Энрико!»

Роберто обвёл лучом фонаря небольшую рубку. Она была пуста. Никаких следов, указывающих на автора надписи или Энрико, он не видел. Конечно, если в качестве одного из них не выступало мёртвое восьминогое существо. Остаться здесь не было никакого желания, и Роберто направился к выходу. После секундного замешательства он отрезал часть щупальца и положил в один из изолированных контейнеров скафандра.

Обратный путь он прошёл быстрым шагом, но двери шлюза закрыл, как просил его неведомый автор надписи. Взобравшись на транспортную платформу, он дал «Харону» команду на посадку. Ему требовался отдых, а спать на поверхности этой планеты желание исчезло окончательно.

«Харон» выполнил манёвр с механической точностью, и уже через час капитан Дисфарси смотрел на ледяную пустыню с орбитальной высоты. Фрагмент щупальца он закинул в анализатор, а сам засел в рубке.

Теперь ему стал понятен размер вознаграждения за внешне невзрачные золотые пластины. Плевать, что они золотые! Важно, что «мы здесь не одни». Кто бы ни был автором послания для Энрико, пережитая им встреча оказалась важнее любых металлов и пластинок. До сих пор человечество не встречало представителей разумной жизни. Просто жизни – на десятках планет, а разумной – ни на одной. Встретить что-то подобное на ледяной луне – это по-настоящему удивительно и пугающе!

Он загрузил полученное от заказчика изображение пластинки в голопроектор. Теперь он смотрел на неё иначе. Если его догадки верны, то на ней не полученные астроархеологами сведения о другой разумной жизни. Она сама – результат работы разума.

Пластина была вытянутой, почти прямоугольной формы, а её гладкая поверхность покрыта многочисленными выпуклостями и впадинами, похожими на знаки. Некоторые из них повторялись, а остальные были уникальны.

Если это текст, то он зашифрован либо написан на языке, неизвестном ни Дисфарси, ни словарям бортового компьютера. Кто может быть автором этого текста? Последний вопрос он невольно задал вслух, и ему ответили:

– Распределение знаков может говорить об использовании языка, основанного на восьмеричной матрице символов. Автор не определён. – Произнеся фразу, голосовой помощник ненадолго замолчал. – Система символов не позволяет определить смысловую нагрузку. Нет данных о грамматике и семантике используемого языка.

Роберто задумался. Ещё во время учебы на космического пилота он заучил, что взламывать языковые шифры надо через подбор распространённых слов вроде обращений, приветствий или имён.

– С учётом свежезагруженных данных расшифровка текста может занять около пяти стандартных часов, – снова раздался механический голос.

– Каких данных? – Роберто, не произнёсший за последние несколько минут ни слова и не совершавший никаких манипуляций с бортовым компьютером, насторожился. Кто загрузил эти свежие данные?

– Данные предоставлены штурманом, – сообщил голосовой помощник.

– На этом корабле нет никакого штурмана. Только капитан, и этот капитан – я! – возмутился Роберто. – Остановить загрузку.

Немного подумав, он добавил:

– Отключить все интерфейсы, кроме моего личного.

– Команды приняты к исполнению, – с небольшим опозданием ответил компьютер. –

Загрузка данных приостановлена.

Роберто перевёл автоматику корабля в режим молчания, заблокировав систему связи. Работать продолжали только сканеры и контроль внутренней среды, но Роберто и их перевёл в пассивный режим. Только приняв меры предосторожности, он рискнул посмотреть на загруженную информацию.

Она представляла собой массив файлов с названиями из случайного набора символов. Если они и были как-то сгруппированы, внешне это заметно не было. Протокол получения этой информации не содержал указаний на её источник, словно она несколько часов назад загружалась несуществующим штурманом «Харона» напрямую из космического пространства. В системе, где находились Вендавал и его спутники, не было человеческих поселений. Даже размещённый тут когда-то астрояк вышел из строя, а значит, передать сигнал мог только такой же, как Дисфарси, искатель приключений. Вот только в этом случае передатчик оставил бы свою подпись в каждом файле, а здесь она отсутствовала.

Роберто решил не рисковать. Загруженные файлы он поместил в карантин, поручив изолированному вычислительному блоку провести с их помощью расшифровку таблички. Так ничто не смогло бы навредить корабельной автоматике. Только после этого он лёг спать.

Накопленная за день усталость накрыла сном сразу же.

Он проспал семь часов. Сознание, словно гоночный автомобиль, газовало планами скоростного посещения туалета, столовой и кухни, миксуя направления и последовательность посещений. Роберто пришлось приструнить нейроны, выбрав один маршрут. В рубку он прибыл, держа в одной руке капсулу с кофе, а в другой – безвкусный, но питательный пищевой концентрат.

Приборы показали не изменившуюся поверхность Желлада. Внизу всё так же дул ветер, переносил снежные потоки от одной ледяной скалы к другой. Пять стальных обелисков продолжали тянуться ввысь. «Вечность» ждала его, не пытаясь спрятаться или как-то иначе скрыться.

Роберто пробрался к анализатору, в камере которого лежал кусок обнаруженного вчера щупальца. Углерод, водород, кислород, азот, аминокислоты, белки и на сдачу значительная часть периодической таблицы. Аппарат сделать выводы не мог, но Роберто было понятно – когда-то это был живой организм.

Вряд ли экипаж «Сиберда» возил с собой земных осьминогов.

Некоторое время Дисфарси задумчиво рассматривал результаты анализов. Желлад перестал нравиться ему окончательно, но возвращаться с пустыми руками не хотелось. Отправлять «Харон» на орбиту он не стал – может быть, придётся быстро делать ноги. Вернувшись в рубку, Роберто начал спуск на поверхность, намереваясь посадить корабль как можно ближе к «Вечности».

Разворот, торможение, и «Харон» начал неторопливый спуск. Дисфарси управлял сам, не доверяя автоматике после её вчерашнего общения непонятно с кем. Посадка проходила штатно даже с учётом сильного бокового ветра. Стабилизировать корабль удавалось без особого труда.

Когда до поверхности оставалось меньше двух километров, на приборной панели вспыхнул огонь входящего запроса связи. Роберто быстро оглядел показания приборов: ни один из них не сообщал о появлении новых кораблей. С некоторым опасением он принял вызов, но вместо видеосигнала или голосовых запросов в рубке раздался безумный треск белого шума. Соединение он сбросил сразу же, списав его на происки магнитного поля газового гиганта.

Через минуту «Харон» завис над пяточком возле корабля астроархеологов и грузно опустился в лужу, образовавшуюся на месте растопленного льда.

Поднявшийся пар быстро выпал снегом, а проплавленные плазмой двигателя лужи – замёрзли. Посадочные опоры оказались надёжно вмонтированными в ледяной щит Желлада, закрепив корабль прочнее якоря. Приборы успокаивающе молчали: вокруг был только лёд, снег и ветер. Ни одного осьминога или других неведомых тварей.

Роберто уже внизу надел планетарный скафандр и открыл люк. Аппарель шла почти горизонтально: опоры утонули почти на два метра. Оставь «Харон» здесь неподвижным на несколько недель, и его тоже занесёт снегом. Стоило поторопиться.

«Вечность» была огромна. Исследовательский крейсер возвышался над «Хароном» даже сейчас, будучи занесённым льдом и снегом. Использовать грузовой шлюз Роберто даже не думал, помня опыт посещения остальных кораблей. Зато верхний люк здесь был доступен легко: лёд до него не добрался.

Соскоблив иней с панели управления, Роберто нажал кнопку открытия. По покрывавшей корпус наледи пробежала овальная трещина, и дверь шлюза неторопливо отошла вверх и в сторону. В самом шлюзе горел тусклый свет. Никаких надписей не появилось, и капитан Дисфарси осторожно вошёл внутрь. С плазменной горелкой он решил не расставаться и сейчас. Внешняя дверь шлюза по команде закрылась, и шлюз запустил программу очистки воздуха.

Датчики сообщили о появлении кислорода, но Роберто решил остаться под защитой скаффандра. Четыре мёртвых корабля громко намекали на необходимость быть осторожным. Когда открылась внутренняя дверь шлюза, Роберто укрепился в своём решении.

Освещение в коридоре отсутствовало. Свет фонаря скаффандра высветил покрывавшую стены изморозь. Иней покрывал всё: температура внутри была ниже нуля, но выше, чем на поверхности. На полу виднелась еле заметная среди непрерывно растущих ледяных кристаллов цепочка следов.

Возможно, здесь проходил неведомый Энрико или автор адресованного ему послания.

«Вечность» была живой. Не буквально, конечно. По проводам шло электричество, двери работали, и даже система жизнеобеспечения демонстрировала дремотную активность. Корабль словно спал, а отсутствующее освещение только усиливало этот эффект.

Дисфарси прошёл в рубку управления. Соответствуя классу корабля, она была значительно больше, чем аналогичное помещение на «Хароне». Полукруглая, она напоминала одновременно свалку и место бойни. На полу рядами было выложено демонтированное оборудование. Явно не только с этого корабля. В некоторых местах сквозь иней проступали бурые пятна, точно не являвшиеся краской.

Панель управления была вскрыта. В ней сначала хотели что-то изменить, но потом бросили. Ленты проводов выходили из электронного нутра, тянулись к расставленным по рубке баррикадам, но были оборваны.

Ни одного тела в рубке не было. Победитель произошедшей здесь схватки почему-то посчитал нужным прибрать за собой.

Роберто подошёл к панели и нажал несколько оставшихся кнопок. Ничего не произошло.

– Капитан вызывает «Харон», – произнёс он в микрофон.

– «Харон» на связи, – раздался механический голос бортового компьютера.

– Запустить протокол подключения к системам законсервированного корабля.

– Цель?

– «Вечность». Доложить о результатах.

В ответ на попытки «Харона» установить связь панель управления разгромленной рубки отозвалась мерцанием выживших диодов. Какие именно системы отреагировали на внешние запросы, понять было невозможно. Замигали огни даже на некоторых расставленных в рубке приборах, прежде казавшихся просто мусором.

– Подключение подтверждаю, – раздался голос компьютера «Харона». – Большая часть систем не активна. Внешний запуск невозможен.

- Что работает?
- Дальняя связь и реактор. Частично – жизнеобеспечение.
- Экипаж?
- Данные отсутствуют.
- Кто же присматривает за этим корабликом? – спросил самого себя Дисфарси.

Свой вопрос он задал вслух, но бортовой компьютер «Харона» ему не ответил. Видимо, не определил фразу как запрос. Роберто вышел из рубки и начал осторожно осматривать корабль. Заказчик не сказал, где именно на корабле могут храниться золотые пластины, а значит, придётся искать везде.

Несмотря на наличие энергии, корабль был пуст. Его состояние не было похожем ни на консервацию, ни на штатную работу. Снова возникло ощущение дремоты: корабль то ли прилёг отдохнуть, то ли принял снотворное. В его коридорах и каютах не было ни людей, ни следов их деятельности. Конечно, если не признавать таковым сам корабль.

Роберто спускался всё ниже и ниже к грузовому трюму и двигателю. Осматривая ведущий к ним коридор, он увидел на полу полускрытое инеем бурое пятно. Он вообще вряд ли бы его заметил, если бы не провёл по этому месту лучом фонаря. Кровь натекла возле закрытой технической ниши. Он поддел створку двери, и она с трудом сдвинулась. Внутри на полу сидела женщина без скафандра в одном комбинезоне.

Покрывавший её лицо иней не оставлял сомнений, что она мертва. Дисфарси внимательно осмотрел её, стараясь не прикасаться. На правом боку он заметил рану – иней не смог скрыть разрыв ткани. На левой стороне груди находились две нашивки: «Джейн О'Нейл» и «Сиберд». Видимо, именно Джейн сообщала Энрико о посторонних на Желладе. Зачем же тогда она вернулась?

Он прикрыл створку и направился в сторону последней не обследованной им части корабля – грузового отсека. Как это часто бывает, нужная вещь оказывается в том месте, которое проверяешь последним. По дуге коридора Роберто Дисфарси вышел к широкой двери грузового трюма. На ней, в отличие от стен корабля, не было узоров инея, а по нижнему краю шёл неровный сварной шов. Плазменная горелка, которой, судя по всему, и пытались заварить дверь, лежала рядом. Роберто проверил её заряд – батарея была пуста.

– Капитан вызывает «Харон», – произнёс в микрофон Роберто. – Проверь содержимое трюма.

- Трюм для сканирования недоступен, – ответил через несколько секунд «Харон».
- Вот тебе раз, – удивился Роберто.

Бортовой компьютер «Харона» тактично промолчал.

Некоторое время Роберто стоял перед дверью в нерешительности. Обычно грузовые трюмы никто не экранирует. Астроархеологи, конечно, люди не совсем обычные, но в их действиях логика есть всегда. Прятать что-то от внешнего наблюдателя просто так они бы не стали. Это если предположить, что прятали именно астроархеологи.

Дисфарси проверил работоспособность горелки, на мгновение сверкнув струёй плазмы, и потянул за рычаг. Усилители работали исправно, и дверь штатно сдвинулась в сторону.

Трюм был освещён и обогрет. Облако тёплого воздуха хлынуло из открывшейся двери и растеклось по потолку коридора, с которого тут же упало несколько капель воды. Грузовой трюм активно функционировал, перемигиваясь огоньками работающей аппаратуры и подвывая лопастями вентиляторов. В сравнении с провинциальным запустением уже осмотренных коридоров, здесь царил активность мегаполиса. Вот только никого живого заметно не было: это была обитель механизмов.

Дисфарси вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. Холодный воздух верхних ярусов втёк сюда туманным облаком, и на полу уже появились первые серебристые узоры. Не снимая ска-

фандра, Роберто обошёл грузовой трюм по кругу. Никакой пригодной для перемещения по планете техники в нём не было, хотя на полу были видны крепления планетарных вездеходов.

Из расположенного ещё ниже реакторного отсека в трюм были проведены пучки проводов, расходившиеся отдельными нитями. Какие-то уходили через потолок, видимо питая оборудование связи в рубке. Несколько нитей тянулись к грузовому люку и через пробитое в броне корабля отверстие выходили наружу.

Около этого отверстия Роберто остановился в недоумении. Дырка была сделана во внешней обшивке, способной выдержать удар небольшого метеорита. Кому и для каких целей понадобилось сверлить корабль? Он обошёл трюм ещё раз в поисках табличек или чего-то, на них указывающего. Пусто. Выйти на связь с «Хароном» тоже не удалось. Экранирован трюм был на совесть.

Капитан подошёл к двери, ведущей из грузового люка наружу. На полу виднелись полустёртые следы обуви в таком количестве, что непонятно было направление движения тех, кто их оставил. Много здесь ходили. Вот только неясно кто: экипажи замерших на Желладе кораблей или неизвестные посторонние. Роберто запалил горелку и проверил висевшую на поясе геологическую кирку.

Потянув за рычаг, Дисфарси заставил дверь приоткрыться. Что-то мешало ей распахнуться во всю ширину, и для выхода оставался доступным проход чуть шире метра. Фонарь высветил ведущий от входа вглубь ледяного панциря широкий туннель. Освещения здесь не было, а по дну туннеля тянулся пучок проводов. Роберто направил луч фонаря вперёд, и свет, многократно отразившись от ледяных стен, загнал тьму вглубь ледяной толщи. Дисфарси осторожно вошёл в туннель.

Игра света создавала ощущение присутствия кого-то внутри ледяного панциря, ставшего стенами туннеля. Лучи отражались от ледяных граней в случайные стороны: часть улетала в направлении движения, часть – возвращалась за спину. Возникавший калейдоскоп порождал стайки полутеней, которые словно подсматривали за капитаном.

Туннель уходил вниз широкой дугой. Каким бы ни был его конечный пункт, он располагался где-то внизу. Роберто прошёл не менее двадцати минут, а затем путь ему преградила чёрная плита. Энергокабели уходили в плохо различимое отверстие ниже уровня пола. Дисфарси попытался вызвать «Харон», но ответа не последовало.

Он осмотрел плиту. Сквозь покрывающий её тонкий слой инея проступал контур двери. Рядом с ней монотонно мигала зелёным кнопка. Роберто осмотрелся, освещая фонарём стены, пол и потолок. Вокруг был только лёд. Никакого намёка на происхождение плиты, её предназначение или ожидающее его по ту сторону. Даже эта кнопка: если нажать её, то откроется дверь или с ним кто-то заговорит?

Немного успокаивало, что рядом не было ни трупов, ни крови, ни других следов насилия. Те, кто был тут раньше, проходили через эту преграду без каких-либо проблем. Значит, сможет пройти и он.

Роберто проверил работу горелки и нажал на кнопку. Она перестала мигать и загорелась ровным зелёным светом. Ледяная корочка на плите треснула, и часть перекрывающей путь плоскости ушла внутрь, а потом отъехала вбок. Открывшееся помещение очень сильно напоминало шлюз. В отличие от тёмного коридора здесь на освещении не экономили. Свет был ярким настолько, что разглядеть его источник не получалось.

Шлем скафандра с запозданием включил поляризацию, но Роберто ещё некоторое время видел световые круги. Дав глазам восстановиться, он осмотрел открывшееся перед ним пространство. За дверью оказалось квадратное помещение размером с небольшую комнату. Лившийся с потолка свет позволял увидеть, что оно пусто. В противоположной стене виднелась хорошо различимая дверь, рядом с которой мигал зелёный огонёк.

Полноценный рабочий шлюз. Видимо, из-за него инструкцией запрещалось трогать энергосистему корабля.

Дисфарси шагнул в шлюз и нажал расположенную внутри кнопку закрытия двери. Дверь встала на место, и в помещение хлынули белёсые струи газа. Шлем сразу же покрылся непрозрачной корочкой, лишив Роберто обзора. Он попытался счистить наросший иней со шлема, но полностью убрать его не получилось: на прозрачном прежде материале остались разводы.

По спине капитана Дисфарси побежала струйка пота от возникшего ощущения беспомощности. На внутреннем экране скафандра отобразилось, что воздух насыщается кислородом, а количество метана снижается. Шлюз работал исправно. Однако возможность видеть не восстановилась: разводы с забрала исчезать категорически отказывались. Тогда Роберто рискнул и открыл шлем.

В нос ударил резкий медицинский запах. Скафандр и окружающее пространство покрывало что-то белое, стремительно испаряющееся. Вторая дверь начала открываться сама, не дожидаясь действий со стороны Дисфарси. За ней располагался короткий коридор, выходящий в большое помещение, полностью не видимое из шлюза.

Роберто осторожно пошёл вперед. Внезапная усталость требовала от него пройти внутрь и найти место, где можно присесть, а ещё лучше – прилечь. Это показалось странным, ведь ещё минуту назад никакой усталости он не чувствовал. Однако тревожная мысль быстро пропала, уступив место апатии.

Помещение оказалось большим залом в форме вытянутого эллипса, в одном из фокусов которого стояла колонна из прозрачного материала. Над колонной медленно вращалась та самая золотая табличка, на поиски которой он отправлялся. Он двинулся в её сторону, одновременно оглядывая зал.

Идти становилось всё тяжелее. Зрение перестало быть чётким, и ему всё никак не удалось рассмотреть колонну, к которой он приближался. Уже дойдя до неё, он протянул руку к табличке, но схватил лишь воздух. Голограмма. Он медленно, опираясь на колонну, стал опускаться вниз. Ноги перестали держать, а голова словно наполнилась туманом. За секунду до потери сознания он заметил смотрящие на него сквозь стекло колонны восемь глаз со звёздчатыми зрачками.

* * *

Пробуждение было внезапным. Мгновение назад он находился в пустоте без времени, а теперь – сидит в мягком кресле в белом пижамоподобном костюме. Как давно он тут? И кто он такой?

– Здравствуйте, мистер Дисфарси, – поприветствовала его женщина, выглядевшая точной копией его Вари. Только что он никого не видел, и вот теперь перед ним стоит мечта его юности во плоти.

– Где я? И как ты... вы... Вария? – Роберто чувствовал некоторую заторможенность.

– Скоро вы всё узнаете. Насчёт Вари, – девушка улыбнулась, – конечно же, я не могу быть ей. Никто не может, так ведь?

– Так, – согласился Роберто.

– Этот образ показался нам наиболее удачным для первой встречи. – Девушка села в копию занятого капитаном кресла, появившуюся из пустоты. – Одобряете?

– Даже не знаю, – растерянно ответил Роберто. – А это место? Тоже образ, выбранный для первой встречи?

Вария засмеялась, и обстановка вокруг начала меняться. Сначала они оказались в каюткомпании «Харона», затем – на ледяной поверхности Желлада. Образы менялись так часто, что перестали определяться. Наконец визуальное безумие остановилось, и Роберто оказался всё в

том же кресле, висящем в космическом пространстве. В кресле напротив сидела улыбающаяся Вария.

– Визуальное отображение мира определяет не мир, а инструмент, через который вы на него смотрите. Хотя ваша раса считает иначе.

– Наша раса? А какая раса у вас?

– О! Повторю – скоро вы всё узнаете. Ведь ваше путешествие к тайнам Желлада завершено. – Произнеся эти слова, Вария изменилась, став копией сухопарого старика, пославшего его сюда.

– Вот чёрт!

Его собеседник снова принял образ Вари и мелодично засмеялся:

– Хотите сказать, что полетели бы в неизвестную даль, чтобы встретиться с представителем иного разума?

– Это вряд ли. С сумасшедшими не работаю, – согласился Дисфарси.

– Поэтому и маскировка. Кстати, тот человек искренне верил, что отправил вас за древним золотом. Заказчик ему неизвестен. Простите его?

– Ещё чего.

– И всё же. Мы встретились, – девушка искоса посмотрела на капитана, – и расстанемся, только если это будет безопасным для нас. Ваша раса нам представляется излишне агрессивной.

– За похищение с вас спросят! – возмутился Роберто.

– Вот! – грустно ответила Вария. – И вас необходимо принуждать к разговору.

Дисфарси вздохнул и закрыл глаза. Мысль, что он попался в смертельную ловушку, грызла его мозг, перебивая страх перед совершенно непонятым существом, сидевшим напротив. Был ли это представитель другого разума или очередной мошенник? Хотя зачем мошенникам столько с ним возиться? Красть у него практически нечего.

– Хорошо, я согласен на... разговор, – ответил капитан Дисфарси после нескольких минут раздумий, – но у меня есть несколько условий.

– Хорошее начало.

– Как вы выглядите? Покажите мне ваш истинный образ. Мой-то вы видите.

– Боюсь, что это невозможно, – с грустью проговорила Вария. – Ваши органы чувств не способны его воспринять.

– С чего это?

– Ваш облик описывается тремя пространственными координатами, а наш – состоянием электромагнитного поля.

– А эти осьминоги?

– Интересные экземпляры, согласны? Это аборигены Желлада. Назвать их вполне разумными сложно, но у них есть шанс.

Дисфарси замолчал. Он незряче смотрел перед собой, пытаясь уложить услышанное в сознании. Всё оказалось слишком невероятным. Слишком невероятно для человечества, убеждённого в своём одиночестве во вселенной. Вот только он уже знал, что решение принято.

– Я согласен... на разговор с вами, – произнёс Роберто, – но не во вред своей расе.

– Разумно, – с улыбкой ответила Вария.

– Что же вы хотели обсудить? – после недолгой паузы спросил Роберто. – Количество колонизированных людьми планет? Их координаты?

– Нет. Вам надо будет закончить работу, начатую экипажем первого спустившегося корабля.

– «Вечности»? – уточнил Дисфарси и, дождавшись утвердительного кивка, тут же спросил: – Какую работу?

– Создать космический корабль. Для нас. Как вы понимаете, он будет специфичен, ведь должен сохранить внутри себя сложную электромагнитную структуру.

– Понимаю... наверное...

* * *

Роберто несколько недель возился с оборудованием астроархеологов, пытаясь разобраться в их задумке. Решение, которое позволяло упаковать магнитное поле с постоянно меняющейся структурой и энергонасыщенностью в металлическую капсулу, было где-то близко. Профиль оказался не совсем его, а потому работа шла тяжело.

День за днём он штудировал книги из библиотеки «Вечности», обсуждая прочитанное с «Варией», и предложенное ему дело казалось всё менее выполнимым. Всё-таки Роберто Дисфарси был сначала космолётчиком и лишь потом – инженером и физиком. Совсем не этим он планировал заниматься, когда соглашался лететь на Желлад.

Вендавалиан можно было сравнить с шаровой молнией, живущей в магнитном поле родной планеты. За его пределами они быстро теряли энергию и умирали. Капсула, способная сохранить этим существам жизнь, должна поддерживать магнитное поле, по характеристикам схожим с полем родной планеты. Воссоздать его оказалось непросто. Хорошо, что нехватку оборудования компенсировали добровольные испытатели: вендавалиане охотно участвовали в проверках созданных Дисфарси прототипов.

Ему понадобился год. Даже чуть больше, но несколько дней не в счёт. Он разместил на «Хароне» изготовленную им капсулу, которую занял вендавалианин. Наверное. Увидеть скопление силовых магнитных линий человек действительно не в состоянии. Они взлетели, и Роберто Дисфарси направил корабль прочь от гигантского шара Вендавала.

– Послушай... Вария, – обратился Роберто, когда «Харон» вышел за пределы магнитного поля планеты, – зачем вам лететь в космос?

Динамики капсулы, в которой пульсировали силовые линии магнитного поля, некоторое время молчали.

– Думаю, за тем же, зачем и людям. Нам любопытно. – Преобразованные техникой импульсы были лишены эмоций, но Роберто был уверен, что расслышал радость ожидания встречи с неизведанным.

Человечество ещё не знало, что утратило монополию на разум.

Внеклассное чтение. Дмитрий Гартвиг

They'll laugh as they watch us fall

The lucky don't care at all

No chance for fate

It's unnatural selection...

Muse

– ...Таким образом, – продолжал распинаться учитель, – мы можем заметить, что идеи технократии, а также морального и этического превосходства рационализма зародились задолго до основания Конклава и уж тем паче задолго до появления Концепции. Виктор, потрудись объяснить, каким образом то, о чём я сейчас говорил, отражено в повести Михаила Афанасьевича Булгакова?

Этот вопрос обращался ко мне. И даже несмотря на то, что сегодняшнюю лекцию я слушал достаточно внимательно, обращение учителя застало меня врасплох.

– Не могу ответить на ваш вопрос, Владислав Сергеевич, – чётко и без запинки произнёс я, поднимаясь.

– Вот как? – удивлённо хмыкнул наш преподаватель по гуманитарному развитию. – Что же, тогда объясни причину. Почему ты не можешь ответить на простой вопрос, заданный по существу прочитанного материала?

– Владислав Сергеевич, я не выполнил задание, так как в приоритете моего домашнего образования была подготовка к олимпиаде по математическому развитию, – всё так же без тени смущения или стыда продолжил я.

Я прекрасно запомнил тот день, весенний и тёплый, один из самых важных дней в моей жизни. Я стоял, вытянувшись по струнке, чуть в стороне от небольшой квадратной парты, чьё пространство принадлежало только мне одному и которое не приходилось, как в стародавние времена, делить с лоботрясом-соседом. Майское солнце, пробиваясь сквозь завесу купола и неплотные бежевые жалюзи кабинета, било мне в левый глаз тёплыми, чуть синеватыми лучами. Где-то в груди поднималось нечто клокочущее, непоседливое и азартное, страстно нащёптывало мне в нагретое ухо, что место моё – не здесь. Что оно там, за окнами, за невысокой оградой школы, в чистом и опрятном городском парке, среди зеленеющей травы, под голубеющими всполохами энергетического щита, прямоком в беспорядке раскиданных вокруг бутербродов и беззаботных мыслей, которые так приятно дополняют друг друга.

Возможно, будь на моём месте ученик из какого-нибудь двадцатого века, ровесник того самого Булгакова, меня бы тут уже не было. Колени аккуратно выглаженной чёрной ученической формы давным-давно были бы вымазаны зелёным травяным соком, а под глазом сиял бы фингал, полученный в какой-нибудь бессмысленной и тут же напрочь забытой драке.

Но на моём месте был я сам, а не кто-то другой. И потому я стоял в жарком кабинете навтыяжку, по существу отвечая на вопрос учителя.

А ещё потому, что беспричинное насилие – первый признак деградации разума. Как, впрочем, и безделье. Это общеизвестный научный факт.

– Что же, – вновь хмыкнул Владислав Сергеевич, звонко пискнув небольшим пультом, включающим кондиционер. – Похвально, когда ученик даже в таком юном возрасте обладает способностью расставлять приоритеты. Особенно радует, когда высшим из них для него становится математика. Скажи, пожалуйста, Виктор, ты уже задумывался о будущей профессии?

– Мне бы хотелось попробовать свои силы в фундаментальной физике, – без тени сомнений ответил я.

Учитель хмыкнул снова, чуть пригладив густые усы.

- Вот как? А поточнее? Фундаментальная физика достаточно обширное направление...
- Атомная физика и теория холодного синтеза.

– Прекрасно. – На лице немолодого уже преподавателя расцвела улыбка. Он медленно встал и размеренными, широкими шагами прошёл мимо белого прямоугольника настенного экрана. На желтоватые кадры из древнего фильма тут же упала объёмная тень. – Ядерная отрасль – невероятно важный фактор развития всего Конклава. Особенно здесь, в Поволжье, где мы, в силу природных причин, не можем полностью полагаться на другие возобновляемые и невозобновляемые источники энергии. Сможешь ответить, почему?

– Конечно, учитель, – уверенно кивнул я. – Возобновляемые источники энергии в Поволжье недопустимо использовать потому, что Волга после Последней войны до сих пор заражена поражающими элементами боевых отравляющих веществ. Очистительные мероприятия, проводимые для городских канализационных сооружений, невозможно реализовать в том объёме, который требуется для нескольких ГЭС, а значит, механизмы станций будут медленно выходить из строя. Электростанции других типов, кроме атомных, затруднительно использовать из-за большой удалённости от других городов-куполов, а также горнодобывающих районов. Следовательно, АЭС, а тем более АЭС с реакторами холодного синтеза, – единственный возможный вариант для Нижнего Новгорода.

Всё время моего монолога Владислав Сергеевич простоял прямо напротив меня, то и дело перекатываясь с носка на пятку и чуть вытянув голову в мою сторону. Это была его любимая поза, которая означала, что ответ ему нравится и учеником он доволен.

– Отличный ответ, Виктор, отличный, – произнёс он, едва я закончил. – По крайней мере, теперь я точно вижу, что тобой действительно руководила грамотная расстановка приоритетов, а никак не банальная лень.

– Лень является основой регресса, – нисколько не сомневаясь в своих словах, ответил я. – Именно лень, нежелание ответственных за судьбы нашего вида рассуждать, выстраивать логические цепочки и рационально мыслить и привели человечество к Последней войне. Только из-за этих низменных качеств остатки цивилизации вынуждены жить под защитными куполами.

– Хорошо, хорошо. – На лице учителя вновь заплясала улыбка. – Я понял, Виктор, что мой предмет вы всё-таки учите...

Где-то над правым ухом раздалась мелодичная электрическая трель. Сигнал, въевшийся в подкорку мозга настолько, что, перейди образовательная система Конклава на какое-либо другое обозначение окончания занятий, всё наверняка бы посыпалось прахом.

- Все свободны, – тут же завершил урок Владислав Сергеевич.

Лишь после его команды ученики начали размеренно и неторопливо складывать учебные планшеты и стилусы в ранцы. Сборы происходили почти в полной тишине, без каких-либо перешёптываний или разговоров: учитель всё ещё находился в классе, а значит, любая несдержанность была под запретом.

Конечно, спустя пару минут инстинкты и здоровая подростковая жажда физической активности возьмут своё, но... Но это будет уже спустя несколько минут. Спустя несколько тяжёлых минут, во время которых ученикам девятого класса, шестнадцатилетним, уже почти оформившимся юношам и девушкам, необходимо учиться властвовать над собой. Держать инстинкты в кулаке.

– Виктор, кроме тебя, – негромко, так, чтобы услышал я один, окончил фразу мой учитель. – Я хочу, чтобы ты ненадолго задержался. Нам, как мне кажется, есть, что обсудить...

– Виктор, разреши поинтересоваться... – негромко произнёс Владислав Сергеевич, как только мы остались вдвоём.

Он старался делать одновременно два дела: что-то набирать на компьютере, очевидно составляя отчёт о двух прошедших академических часах, и вести диалог со мной. Как и у любого нормального человека, что не тренировал навык многозадачности специально, получалось у него это не очень хорошо.

В конце концов решив, что бумажная (а точнее, электронная) волокита подождёт, он с явным наслаждением откинулся на спинку компьютерного кресла и полностью переключил внимание на меня.

– Разреши поинтересоваться – если это, конечно, не секрет – твоими результатами за прошлую олимпиаду по математике.

– Девяносто шесть целых и восемь десятых балла, Владислав Сергеевич, – тут же ответил я, пусть и не без доли самодовольства.

– Лучший результат в классе?

– В школе, – поправил я его.

Я не понимал, зачем он спросил про класс. Мои результаты были общеизвестны, о них в прошлом году говорила вся школа. Мою фотографию даже выставляли на электронной доске почёта, и было, кстати говоря, за что. Хоть общегородской тур в том году не проводился, в неофициальной таблице результатов я занял второе место, уступив только какому-то одиннадцатикласснику из математического лицея.

Учитель кашлянул, вновь пригладив свои усы.

– Это прекрасный показатель, Виктор, ты знаешь? Да что там прекрасный – это высший пилотаж. С такими способностями в прошлом – да что там в прошлом, и в нашем настоящем, – тебе дорога в большую науку. В самую большую, Виктор, в высшие её сферы...

Тут он резко грохнул по шершавому пластиковому столу раскрытой ладонью, словно прихлопывая невидимую муху. От громкого и неожиданного звука я едва испуганно не дёрнулся, но успел взять себя в руки и ничем не выдать своего волнения.

Владислав Сергеевич же внимательным, неотрывным взглядом смотрел на меня, словно оценивая. От этого взгляда мне пусть и было слегка не по себе, однако же разумом, которым и должен руководствоваться в подобных ситуациях цивилизованный человек, я понимал, что подобным отношением можно только гордиться.

Меня испытывают, изучают. А значит – считают достойным.

– ...Но это лишь один из вариантов. Один из нескольких, – после недолгого молчания продолжил учитель. – Скажи, пожалуйста, я давно наблюдал за твоими успехами в области гуманитарного просвещения, особенно тех аспектов, что касаются положений Концепции, географии и логики мышления, однако ты никогда не интересовался художественной литературой. Почему?

Я улыбнулся. На этот вопрос ответ у меня был.

– Потому что художественная литература никак не способствует научному познанию мира, Владислав Сергеевич. Строго говоря, если смотреть с позиции Концепции, именно интуитивная манера познания, манера чувств и эмоций, которую культивировало подавляющее число писателей прошлого, и поставила человечество на грань вымирания. Национализм, реваншизм, философские идеи и популистские идеологии – вот что привело к Последней войне. Вот из-за чего наши реки и поля теперь отравлены джиэр-вирусом, а по безлюдным пустыням снуют кочевые толпы деградировавших техноварваров. Иррациональность – путь к гибели, в Концепции это явственно отражено, и очень странно для учителя гуманитарного познания задавать подобные вопросы.

На мои слова, резкие и даже в какой-то степени оскорбительные, Владислав Сергеевич, однако, не обиделся. Напротив, по окончании моей речи он звонко рассмеялся и приподнял кверху руки, шутливо показывая, что сражён наповал. Его густые усы забавно тряслись в приступе смеха, а ярко-голубые глаза превратились в две узкие щёлочки.

– Хорошо, хорошо, – успокаиваясь, произнёс он. – Я понял тебя, хотя, прямо скажем, это и было несколько эмоционально. Не находишь, что ты обличил бездну, которой и сам подвластен? Впрочем, не переживай по этому поводу, в твоём возрасте это нормально. По правде говоря, на такой ответ я и рассчитывал.

Учитель поднялся и, не обращая на меня внимания, резко обогнул стол, широкими шагами направившись к окну. Он ещё несколько минут стоял неподвижно, не произнося ни слова, сложив руки за спиной и наблюдая в узкую щёлку между планками жалюзи за тонкой вереницей задержавшихся учеников, что размазанной колонной направлялись к общежитию.

– И именно поэтому я хочу, чтобы ты рассмотрел для себя военную службу, – наконец произнёс Владислав Сергеевич.

Я опешил.

– Простите?

Мой учитель тяжело вздохнул.

– Что же, реакция непонимания вполне естественна в твоём случае, – продолжил Владислав Сергеевич, оборачиваясь ко мне. – В конце концов, стереотипы всегда сильны, особенно среди молодого поколения.

– Нет, я всё понимаю, – произнёс я, неторопливо подходя к своему ученическому столу и медленно на него опускаясь против всех правил этикета. – Я и сам об этом думал...

Ложь, конечно. Я никогда об этом не задумывался, по крайней мере, серьёзно. Да и какой образованный человек вообще может всерьёз думать о военной службе? В конце концов, разум дан людям не для того, чтобы бегать с автоматом наперевес и лязгать танковыми гусеницами.

– Просто я не понимаю, – собравшись наконец с мыслями, спросил я, – какая может быть связь между художественной литературой и армией? Вы ведь не просто так об этом упомянули, правда? Возможно, я просто недостаточно знаю о современных вооружённых силах Конклава, но мне казалось...

– Совершенно верно, – кивнул Владислав Сергеевич, перебивая меня. – Связь тут имеется и имела её всегда. Подумай хорошенько, война – это, прежде всего, явление эмоциональное и иррациональное. А ведь именно на иррациональность ты возлагаешь основную вину за то прискорбное состояние человечества, в котором оно находится сейчас?

– Не я, – аккуратно поправил я учителя, – Концепция.

Он оставил это замечание без ответа.

– Но ты должен понимать, Виктор, что времена изменились, – продолжил учитель. – Солдат теперь – это не накачанное адреналином существо, которое демагоги и популисты распалили настолько, что он готов рвать на части себе подобных. Не иррациональность лучший друг деградации, Виктор, но чувства, ею вызываемые. Ярость. Ненависть. Любовь к семье и родственникам, которая напрочь перекрывает всякий инстинкт самосохранения. Нынешний солдат не таков. Им движут не эмоции, не чувства, но точный и холодный расчёт. Результаты которого очень просты: цивилизация и порядок всегда лучше анархии. Рацио, разум всегда лучше хаоса. Именно поэтому он чётко, математически, без каких-либо эмоций, без гнева и ненависти выбирает цели для оборонительных орудий, отражая очередной набег техноварваров. Солдат, Виктор, сегодня не инструмент разрушения, но такой же инструмент созидания, как и физик или биолог. Как агроном. Он призван защищать достижения нашей цивилизации, призван сохранить то наследие, что досталось нам от погибшего мира. Сохранить и расширить. Понимаешь меня?

– Да, да, кажется, да, – невнятно промямлил я.

На самом деле о таком взгляде на суть вещей я не задумывался. Я на самом деле очень мало знал о том, как организована оборона городов-куполов Конклава. Мне это было не слишком интересно, и хоть я и слышал о регулярных набегах техноварваров, никогда не придавал

значения тому, как подобные рейды купируются. Всегда полагал, что, как встарь, пушками, танками и крылатыми ракетами.

Кто же был носителем всех этих смертоносных орудий, меня не слишком занимало. Своим юношеским жестоким умом я почти бессознательно ставил на эту позицию тех, в ком общество не сильно нуждалось, разного рода отребье и отбросов.

Тех, например, кто не прошёл Испытание.

После слов Владислава Сергеевича моя уверенность в понимании устройства окружающего мира несколько пошатнулась. И это нужно было осмыслить. В спокойной обстановке.

Правда, учитель не дал мне такой возможности.

– Я знаю, что несколько смутил тебя, поверь мне, ты не первый. Власти Конклава сознательно не дают широким массам понимание того, как именно их жилища защищаются от дикарей. Просто иначе желающих вступить в Корпус Обороны было бы слишком много, а мы, в свою очередь, снова затянули бы порочную петлю. Понимаешь? Гнев, насилие... именно поэтому предложение такое делается очень и очень немногим. Только тем, кто уже в юном возрасте ставит разум превыше эмоций. Только тем, кто пусть и эмоционально – это присуще возрасту, – но всё же отвергает животные инстинкты. Именно поэтому я прошу тебя, Виктор, не только подумать о моём предложении, но и прочитать одну книгу. Да-да, ту самую, «Собачье сердце», о которой мы говорили сегодня на уроке. Она небольшая и, я уверен, много времени у тебя не займёт.

– Зачем? – удивлённо спросил я, искренне недоумеая о причинах такой просьбы.

– Затем, что мысли, заложенные в этом произведении, суть подлинное торжество разума, – терпеливо пояснил Владислав Сергеевич. – Это настоящий манифест, настоящее Бусидо для солдата нового, разумного человечества. Ода логике и здравому мышлению, поэма превосходства высшего над низшим. И, конечно же, сатира над глупостью и невежеством. Прочитай её, Виктор. Обязательно прочитай. Я почему-то полностью уверен в том, что она поможет тебе сделать правильный выбор. Загрузи её на свой планшет, доступ к сети нашей библиотеки у тебя есть?

Я коротко кивнул.

– Вот и славно. А теперь иди. Не смею больше задерживать.

Ещё раз кивнув, то ли чисто механически, то ли прощаясь в ответ, я на негнувшихся ногах покинул кабинет. Мысли роились в голове, накладывались одна на другую и завязывались тугим узлом так, что у меня никак не получалось выстроить из них правильную и чёткую структуру. Впервые в жизни я оказался в той ситуации, когда я не мог явственно сформулировать причину, следствие и определённый вывод из этих двух переменных.

Но одно, я помню, в тот момент знал точно. Книгу эту самую, умершего уже давно, за два века до моего рождения, писателя, я прочитаю обязательно.

Сразу же, как только доберусь до своей комнаты.

Я сдержал обещание.

Спустя полтора часа, что были потрачены на неторопливую прогулку вокруг ученического общежития и долгие размышления, я наконец-то вернулся в свою комнату. Небольшое помещение, которое я был вынужден делить с соседом, учеником параллельного класса, дохнуло на меня тёплым, чуть затхлым воздухом. Приветливо качнулись плотно задёрнутые шторы – мой товарищ терпеть не мог работать при дневном свете, предпочитая голубоватому оттенку белую яркость электрической настольной лампы.

В голове почему-то мелькнула мысль, что этого мне будет не хватать, когда через каких-то два года я сменю нынешнюю жилплощадь на отдельную комнату. Пусть тоже в общежитии, но уже во взрослом, где никто не будет задёргивать шторы.

Он как раз возился со своими записями, пытаюсь, наверное, одолеть ещё один параграф анатомического атласа, когда я вошёл. Нас сложно было назвать друзьями или приятелями, хотя и неудобств мы друг другу не причиняли. Просто старались не общаться, общих тем у нас не было. Неукоснительно соблюдали правила человеческого общежития, молчаливый регламент двух людей, против своей воли запертых на ограниченном пространстве.

Поприветствовав соседа коротким кивком, который он оставил без ответа, я аккуратно поставил рюкзак у изголовья кровати и тут же рухнул лицом в подушку. Синтетическая ткань послушно приняла очертания моей физиономии, оставляя мне небольшую щёлочку для дыхания. Мысли роились в голове, жужжали, требовательно дёргали меня то в одну, то в другую сторону, и даже долгая прогулка – проверенное уже не раз средство – не помогла привести их в порядок. Предложение Владислава Сергеевича не давало мне покоя, а в груди, я чувствовал это, поднималось что-то тёплое и возбуждающее, что-то отдававшее напряжением в руках и взъерошивающее аккуратно остриженные волосы на затылке.

Военная служба, подумать только! Высшая степень научного развития, высшая степень рациональности и разумности. Не бездумная животная ярость, не низменные эмоции, но холодный и точный расчёт.

Я был в смятении.

Ещё с час повозившись на кровати, переворачиваясь то на один бок, то на другой, а также приготовив себе нехитрый ужин в виде куска вырезки из батона соевого мяса и небольшой порции гречневой каши, я понял, что математическим анализом мне сегодня не заняться. Слишком беспорядочно я соображал, слишком многое нужно было осмыслить.

Недолго думая, я достал из рюкзака ученический планшет и двумя почти механическими нажатиями на сенсорный экран подключился к школьной сети.

Сосед не обратил никакого внимания на то, что я не приступил к домашним занятиям. Ему было абсолютно всё равно, что я весь вечер провалялся в кровати, не раздеваясь и не снимая ученической формы. Мне, если говорить начистоту, тоже.

В тот вечер я резко сменил давно и прочно расставленные приоритеты. Словно пловец, стоящий на краю бассейна, я решительно и с небывалой готовностью нырнул в новую, ещё неизведанную мне область. Буквально с первой строчки, с первого прочитанного предложения я погрузился в дикую, древнюю историю, кончиками пальцев прикасаясь к давним и неведомым конфликтам ушедшей эпохи.

И это было откровение. Какая разница, кому вообще могло быть дело в наше время до политической и исторической подоплёки повести, о которой подробно распинался невидимый редактор в своих комментариях? Как вообще можно рассуждать о давным-давно забытых «большевиках», чёткое представление о которых я так и не смог вынести из текста, когда шахматные фигуры расставлены, когда партия ясна и понятна?

Как можно говорить о художественных достоинствах, когда на одной чаше весов – Шариков, деструктивный и отвратительный, воплощение всей той мерзости, который был болен старый мир, а на другой – профессор Преображенский, последний рыцарь знания, изо всех сил пытающийся перевоспитать, пытающийся поднять своего протеже на собственный уровень, к своим вершинам?! И в конце концов проигрывающий в этой борьбе, выбирая сохранить тот порядок вещей, которого он достиг, к которому привык, которого добился собственным трудом.

Это действительно было Бусидо. Новый кодекс воина, устав солдата двадцать третьего века. Эта книга, увлечшая меня полностью, заставившая неподвижно просидеть в одной позе до двух часов ночи, была предтечей. Была буревестником всего того, что составляет теперь наш мир, того, о чём говорила Концепция, когда поясняла, почему Конклав не ведёт экспансию в пустоши, не расширяет площадь городов-куполов и не оттесняет варваров от наших границ.

Это бессмысленно. Воинственное невежество невозможно переучить, невозможно воспитать. Только защищаться от него всеми доступными методами.

Едва встав на следующее утро по будильнику, я, сонный и невыспавшийся, направился на занятия. Над головой мерцал голубоватый купол, своей матовой, непроницаемой для человеческого глаза завесой ограждающий меня и всех остальных жителей Нижнего Новгорода от внешнего безобразного мира, полного слюнявых и невежественных Шариковых, что когда-то, много поколений назад, были такими же людьми, как и мы.

В тот момент, когда в моей голове от недосыпа вспыхивали и угасали разноцветные всполохи, зеркальное отражение вспышек благословенного защитного купола, я уже знал, какой ответ дам Владиславу Сергеевичу.

Ядерные реакторы и холодный синтез за одну ночь остались позади, где-то в далёкой и мальчишеской жизни. В то утро я окончательно выбрал свой путь.

Оставалось только по нему пройти.

– Оператор номер три, приготовиться, – раздался резкий металлический голос, лишь отдалённо напоминавший женский.

Наверное, по задумке конструкторов и инженеров подобный звук речи должен был настроить меня на умиротворённый и благостный лад. Получалось, правда, зачастую наоборот. Голос скрежетал, гудел и рывкал электронами так, что на ум приходил не ласковый оклик матери, которую я никогда не знал, но скорее злобный говор мачехи, отчитывающей меня за очередную мелкую провинность.

В любом случае, даже если представить на секунду, что задумка неведомых мне проектировщиков удалась, а механик оборонительной станции всё-таки соизволил починить раздражавший динамик, успокоить меня в данный момент могло мало что. Испытание, ежегодная, рутинная процедура, которую я уже четыре раза проходил успешно, вновь надвигалась. Медленно и неотвратно. И по предварительному тестированию я недобрал целых десять баллов.

Колоссальный разрыв. Особенно между жизнью и смертью.

Конклаву не нужны дураки. Не нужны лентяи и идиоты, те, кто за целый год, за триста шестьдесят пять дней не смог научиться чему-то новому, освоить новую дисциплину и достигнуть в ней определённых успехов. Отсеять таких людей как раз и было призвано Испытание. Что происходит с теми бедолагами, которые не смогли пройти тестирование, не смогли доказать беспощадной и бесстрастной системе оценивания, что достойны ещё на год продлить своё существование под безопасным голубоватым куполом, я не знал. Никто не знал. И, понятное дело, проверять не хотели.

Но исходя из того, что таких людей больше никто и никогда не видел, можно было рискнуть предположить, что ничего хорошего.

Такая система изначально была порочна. Понять я это смог только тогда, когда получил диплом об окончании школы. И, как и обещал Владиславу Сергеевичу, а также с его молчаливого патронажа, поступил на военную службу. Мальчишеские иллюзии о бесконечном самосовершенствовании рассеялись, превратились в прах и песком заскрипели под тяжёлыми сержантскими сапогами.

Проблема состояла в том, что тебя банально не хватало. Какую бы ты профессию ни выбрал, какой бы путь ни избрал, твоё развитие на этой стезе будет поступательным. Эволюционным. И очень медленным. Куда более медленным, чем того требуют с каждым годом всё сильнее и сильнее возрастающие критерии для прохождения Испытания.

Я стал хорошим солдатом. Прекрасным оператором орудия смертоубийства, едва ли не на интуитивном уровне понимающим свою машину, с отличной реакцией, горячим сердцем и холодной головой. Как раз тем человеком, что видит на экране шлема управления лишь рос-

сыпь схематических точек и отметок, но никак не живых и ревущих людей (людей ли? Разве кто-то вообще видел этих техноварваров?), бегущих в безнадежную атаку на фортификационные сооружения города. Я учился, да. Очень быстро учился. Я в кратчайшие сроки понял, как рассекать огнём атакующие цепи, изучил от корки до корки строение крупнокалиберных орудий, которыми управлял, и достиг почти стопроцентного слияния с нейроинтерфейсом станции, моими руками и ногами в деле этой странной и почти односторонней войны.

И эти знания помогали мне снова и снова успешно проходить Испытания. Аж четыре раза подряд. Ровно до сегодняшнего момента.

Система была порочна. Она превращала человека не в мастера своего дела, не в носителя бесценного знания, как утверждала Концепция, но лишь в сумасшедшее животное-грызуна, что из года в год бежит по горящему пластиковому колесу, надеясь на то, что где-то там, за горизонтом, его ждёт вкусный и сочный орешек. Награда за многолетние труды.

Наверное, так и задумывалось изначально. Ресурсы городов-куполов Конклава были весьма ограничены и просто не позволяли содержать с каждым годом всё увеличивающееся население. Наверное. А может быть, отцы-основатели Конклава, выйдя тогда, сразу после Последней войны, из-под развалин комплекса ЦЕРН, говорили совсем о другом, кто знает? Факт остаётся фактом: огонь погас, а на его место пришло невразумительное тление готовых вот-вот погаснуть угольков.

И я не знал, о ком я сейчас говорю, о себе самом или о тех немногих учёных, лучших умах человечества, что подарили новому, насквозь отравленному бактериологическим оружием миру, идею Концепции.

Все эти мысли пронеслись в моей голове как раз в те несколько мгновений, что отделяли появление первых звуков из хриплого динамика от того момента, как я надел шлем нейроинтерфейса.

Перед глазами тут же взорвалась радужная вспышка, пестрящая всей палитрой цветов одновременно. Гипнотическая программа запустилась одиночным щелчком, после которого в ушах осталась лишь молчаливая цифровая тишина, отсекая меня от всего остального мира. Теперь для меня существовала только чернеющая пустота программного кода без сторон и направлений, полная додекаэдрических структур, очерченных тонкими бирюзовыми линиями друг от друга. Мои органы чувств слились с органами чувств оборонительной турели, с её датчиками движения и звукоуловителями, чьи показаний аналогово преобразовывались в схематичные условные изображения.

– Подключение прошло успешно, – хрипло произнёс я, отчитываясь перед системой.

– Принято, – всё тем же грубым голосом ответил невидимый динамик, что по ощущениям находился теперь везде, даже внутри моей головы, но по факту раздавался лишь по бокам шлема, как из наушников.

Впереди, а точнее, в том направлении, что в моём случае можно было назвать передом, рассыпались калейдоскопом пиксельные линии, складывающиеся в бесчисленные квадраты, круги и прямоугольники. Линии были зелёного цвета, чётко сигнализирующие о том, что хоть вблизи от купола и замечена биологическая активность, но на том расстоянии, что можно считать безопасным.

Тем не менее количество целей напрягало. Обычно такое оживление свидетельствовало только об одном: варвары в очередной раз готовятся нападать и как раз выстраиваются в атакующий строй. Устав никак не регулировал действия оператора в такой ситуации, однако мой горький опыт говорил о том, что лучше всего перестраховаться и дать очередь разрывными, с самого начала смешав боевые порядки.

Одна короткая мысль, вычлененная из бесконечного потока, из того беспорядка, что обычно творится в голове у человека, – и спаренная автоматическая пушка двенадцатого калибра тут же посылает очередь в цель, указанную оператором, отрывая ноги и сминая фугас-

ной волной внутренности. В тело отдаёт приятным толчком, словно любящая женщина толкает тебя на постель, сигнализируя о том, что выстрел прошёл успешно, а перед глазами гаснет определённое количество зелёных нарисованных фигур. Остальные же разбегаются в беспорядке во все стороны, отчаянно цепляясь за свою пиксельную жизнь.

По крайней мере, так происходило всегда. Но не сегодня.

Я повторил мысленный приказ.

Орудие молчало.

– Система, – произнёс я уже голосом, – доложить о состоянии.

– Докладываю, – произнёс дребезжащий голос. – Показания нейроинтерфейса: норма.

Показания жизненных показателей оператора: норма. Показания системы наведения: норма.

Боезапас: норма. Внимание! Обнаружен механический клин орудия. Стрельба невозможна.

Инициирован вызов штатного механика станции...

– Система, выход, – коротко приказал я.

Россыпь точек тут же погасла. Исчезли и додекаэдры, и бесконечная несуществующая пустота. Перед глазами остался лишь погасший экран шлема управления, а по ушам тут же ударили звуки жизни, от которых я вновь успел отвыкнуть. Мирно гудел вентилятор в углу помещения, а под потолком что-то скрипело и лязгало.

– Открыть второй выход, – произнёс я.

– Внимание! – задрезжала неживая женщина. – Выход за территорию купола может быть согласован только...

– Открыть второй выход, – я терпеливо повторил приказ.

И гермодверь по левую руку от меня с громким шипением открылась. Оставив меня один на один с молчащим ассистентом и длинной лестницей наверх, напрямиком к площадке, на которой располагалась турель.

Слова оператора на боевом дежурстве – закон для этого примитивного голосового помощника. Конечно, он обязательно наябедничает, обязательно отразит мои действия в логах, но с начальством я как-нибудь разберусь. Учитывая то, что при прорыве техноварваров никакого начальства уже не будет, я решил, что меня всё-таки оправдают.

Твою мать, как же не вовремя этот проклятый механик заболел!

Я знал, как исправить этот несчастный клин. Делов-то: всего лишь открыть кожух, дёрнуть ленту подачи боеприпасов, вынуть и снова вставить. Три минуты работы. Проблема только в том, что за эти три бесконечно длинные минуты те самые точки, ещё недавно бывшие просто пикселями, а теперь неожиданно превратившиеся в вооружённых людей, могут стать сперва жёлтыми, а затем и красными.

Успею ли я до этого момента всё исправить?

Дыхание сбилось окончательно уже на последней ступени, как раз перед тем, как я несильно толкнул квадратный металлический люк. По глазам тут же ударил яркий, обезоруживающий цвет, которого я никогда не видел под куполом, где сохранилась лишь его блёкая матовая копия. Внешний мир, который мои учителя и наставники раз за разом называли отравленной пустыней, играл буйством красок. Травяное море раскинулось до самого горизонта, обрываясь лишь на широком берегу Волги, а над головой яростно-синим цветом горел чистый небосвод с небольшим вкраплением белых кучерявых облачков.

«Пустошь» дышала жизнью.

Несмотря на то, что увиденное меня поразило (я всё-таки ожидал увидеть ржавое солнце, багровые небеса и хрипящие пылевые вихри), у меня не было времени хоть как-то осмыслить эту картину. Я пулей рванул к прямоугольнику заряжающего механизма турели, рывком сорвал защитный кожух с петель и с силой дёрнул ленту. Смачный металлический щелчок был мне наградой, был звуком победного горна, триумфом ещё одного дня жизни.

В тот же момент я бросил взгляд куда-то в сторону востока, с направления которого и ожидалась атака...

И обомлел.

Никаких атакующих порядков не было и в помине. Вдоль реки медленно и размеренно шла длинная процессия, больше похожая на какой-то кочевой караван, как их описывали в учебниках истории. Тяжёлые, гружёные деревянными ящиками повозки медленно тащили вперёд крупные быки, которые то и дело фыркали и громко ревели, жалуясь на свою незавидную судьбу. Мужчины, вооружённые чем попало, внимательно выхаживали вдоль процессии, высматривая в поволжской степи несуществующего врага. И, что самое странное, не обращали никакого внимания на громаду города, застывшую гигантским голубоватым прыщом на берегу древней реки.

Мне стало дурно.

Я не страдал угрызениями совести, когда безнаказанно расстреливал прущих в атаку варваров, но вот так, когда напротив тебя не пиксельные фигурки, а настоящие люди, что не сделали тебе никакого зла и которых ты готов был разорвать на части снарядами двенадцатого калибра...

Живые люди! Размеренно бредущие куда-то в никуда, идеально вписанные в ловкий круг жизни, что призывает родиться, продолжать род и умирать, освобождая место для своих детей. Им была чужда бесконечная гонка за знаниями, чужда беспощадность Концепции и судьба всего остального человечества. Они на самом деле и были настоящим человечеством. Тем самым, бредущим в никуда и этим движением наслаждающимся. Мало того, несмотря на то, что все логические приёмы и философские суждения для них не работали, именно у них и была настоящая цель.

Какая-то маленькая девочка, радостно размахивая руками, подбежала к улыбающейся женщине лет тридцати.

А я вдруг осел, чувствуя слабость в подкосившихся коленях. Осознание накатило разом, липкой и вязкой волной накрыло с головой.

Я вдруг всё понял.

Мой манифест, моё Бусидо, моё «Собачье сердце» острым стилетом укололо меня прямо в сердце. Это был я! Это был я! Я был тем самым Шариковым, уродливым гибридом человека и собаки, гомункулом, которого не должно существовать по законам природы. Я им был, я, я, именно я, никак не те люди, что размеренно брели по выжившему назло всему миру. Я был человекопсом, в своей гордыне обвиняющим в недочеловечности других. Уродливым экспериментом, что проводили мрачные и невидимые профессора Преображенские в стерильных и неживых лабораторных халатах.

Уже не слишком человеческим.

Как минимум потому, что ни разу не смог вот так же, честно и открыто подбежать к своей матери и обнять её за талию. Пренатальный инкубатор, в котором я провёл девять первых месяцев жизни, не дал мне такой возможности.

– Кто моя мама? – ломающимся голосом бросил я в пустоту. – Кто мой папа?

А по щекам текли слёзы, тут же сдуваемые лёгким поволжским ветерком.

– Прекрасный результат, юноша, просто прекрасный, – седобородый пожилой профессор радостно тряс мне руку. – Очень рад, молодой человек, что даже на такой должности, очень слабо связанной с освоением новых знаний, вы не бросаете попыток саморазвиться и всё равно стремитесь к свету!

Я ничего ему не ответил. Просто молча улыбался и тряс рукой в ответ.

В небольшой сумке, перекинутой через плечо, лежал мой планшет, на котором ещё каких-то жалких пятнадцать минут назад высветилось уведомление об успешном прохождении Испытания.

Все эти три несчастных недели я готовился. Действительно готовился. Перелопатил кучу литературы, обсуждал интересующие меня вопросы со знакомыми химиками и технологами, смотрел документальные фильмы и короткие информационные ролики.

Готовился я усердно, основательно. И плевать я хотел на это поганое Испытание, прохождение которого мне дало лишний год жизни. И на год этот я тоже плевать хотел.

Пользоваться им я всё равно не собирался.

Наконец, в тот радостный для меня день, когда всё было готово, я чуть успокоился. Беготня и нервный недосып, красные глаза усталого силуэта, сидящего в форме знака вопроса на кровати, закончились, и осталось только нетерпение, загнанное куда-то под кожу, где оно бурлило и шкворчало, отчаянно рвалось наружу.

Но я его сдерживал. Пока – сдерживал. Сил ещё хватало.

Та атака, слава богу, началась как раз в мою вахту. Зелёные точки стали вдруг жёлтыми, а затем и красными. Человеческая, по-настоящему человеческая волна упрямо шла вперёд, надеясь раз и навсегда разрушить мерзкий пластиково-металлический бастион, отравляющий землю своим голубым свечением. Шла безнадёжно, в полный рост, не считаясь с потерями и не надеясь на подмогу. Потому что не могла иначе, потому что это – в природе человека.

Но подмога у них всё-таки была.

Я галопом поднимался по ступеням, сжимая в руках тонкий картон самопальной шашки. Всё очень просто, куда проще, чем фундаментальная физика: гексоген, алюминиевая пудра и парафин. Туда же – небольшой цилиндрик грубо сделанного взрывателя с длинными волосками тонких проводов.

Защитный кожух механизма зарядания вновь отлетел. И со звуком куда более громким и яростным, чем в прошлый раз.

Должно хватить. Один взрыв запустит цепную реакцию, и тогда...

...Я забился в угол, чутко вслушиваясь, как сквозь металлические стены и мои громкие всхлипы раздаётся радостный клич людей, пробивающихся сквозь купол. Рвущихся вперёд, к победе, победе фиалки над машиной. Вслушивался и чувствовал, как отпадает смердящий собачий хвост, как распрямляется позвоночник и выпадает жёсткая пёсья щетина, знаменуя рождение нового человека.

Я чувствовал, как падают оковы беспощадной, почти машинной логики. Тиранической логики существования Конклава и Концепции.

А по моим щекам текли слёзы. Радостные и живые, солёные до невозможности, слёзы.

Абсолютно человеческие слёзы.

Одиночество Мистера Счастливчика. Григорий Завьялов

Из цикла «Истории Мистера Счастливчика».

Глава 1. Жизнь в одиночестве

Люди бывают разные: одни умеют ловить удачу за хвост, у других она выскальзывает сквозь пальцы. Кто-то может выбрать из пачки лотерейных билетов выигрышный, а кто-то достанет ключ и тут же уронит его в сточную канаву.

Конечно, бывают и уникамы. Человек смог победить неизлечимую смертельную болезнь или выжил в горячей точке, окруженный врагами. Это очень везучие люди.

Но к некоторым леди фортуна всегда стоит спиной. На ум приходит грустная история погибшего, которого обнаружили на самодельном плоту посреди океана. Как выяснилось, он попал в авиакатастрофу, но сумел выжить на необитаемом острове и даже построил плот. Увы, он умер в открытом океане не от жажды или голода. Нет. Ему в голову попал осколок метеорита, убивший его на месте. Да, бывает в жизни и такое.

Здесь же речь пойдёт об очень удачливом человеке. Такой удаче позавидует каждый. А впрочем...

Сухая ветка хрустнула под ногой. Мистер Счастливчик остановился и, нагнувшись, поднял её. Подумал: «Прекрасно подойдёт для растопки камина». Мистер Счастливчик, чьё настоящее имя не так уж и важно, очень любил огонь в камине. Он давал чувство спокойствия, будто всё шло своим чередом и всё было в порядке.

Пройдя ещё несколько сотен метров и собрав хвороста, Счастливчик повернул в сторону дома. Мужчина поселился здесь недавно, но успел обжиться. Пристанище представляло собой одиноко стоящий фермерский домик. Стены, выкрашенные бледным жёлтым цветом и крыша с серой черепицей. У дома были большой отдельно стоящий гараж и, что немаловажно, отличный погреб. Машины, которые Счастливчик выгнал из гаража, ржавели рядом. От них не было толку, так как топливо кончилось. Просто памятник продвинутой аграрной технике. Малолитражный автомобиль стоял неподалёку. Теперь он тоже стал памятником. И всё также – из-за отсутствия горючего.

Конечно, можно было сходить в ближайший городок и раздобыть горючку там. Но туда два дня пути пешком. Вот тут бы пригодилась лошадь или, на худой конец, осёл. Но таких у Мистера Счастливчика не было, да и ездить верхом он не умел. Он был городским жителем, поэтому не обладал навыками, которыегодились бы в дикой природе. Ну кто же мог знать?

Дом и двор освещались желтоватым светом. Аккумулятор на солнечных панелях заряжался за день и мог обеспечивать жилище электричеством всю ночь. Вот только ночи становились всё длиннее и длиннее. И дело было не в приближающейся зиме. О нет.

Мистер Счастливчик распахнул дверь ногой, ибо руки были заняты, и зашёл в дом. Было прохладно, так что розжиг камина стал первоочередной задачей. Повозившись со спичками, Счастливчик зажёл огонь. Тот сразу же добавил пустому помещению уюта, тепла и света. Мистер Счастливчик любил треск дров, поэтому несколько минут грел руки и с упоением слушал звуки очага, которые разгоняли плотные покровы тишины, окутывающие жилище.

Переодевшись в домашнее, Мистер Счастливчик отправился на кухню. Она была захламлена разными припасами: консервами, крупами, макаронами, приправами – всем тем, что может храниться длительное время без холодильника, который из-за нехватки энергии был превращён в шкаф. Хорошо хоть имелся погреб, сберегающий скоропортящиеся продукты: овощи, фрукты и мясо. Выбрав макароны и говяжью тушёнку, Счастливчик направился к камину, чтобы сварить себе скудный ужин и успокоить безумно ворчливый желудок. Наевшись, Мистер Счастливчик сел в кресло, предусмотрительно поставленное рядом с камином, и взял в руки книгу.

Сын улыбался во весь рот. Он впервые наблюдал за зебрами в заповеднике, и его это очень впечатляло. Конечно, пятилетку может впечатлить что угодно. Эх, невинное детство. Отец приблизился к сыну и взял за руку. Мальчишка улыбнулся ему и продолжил глазеть на зебр. Сзади подошла жена и обняла мужа за талию.

– Хорошо, что ты настоял на походе в этот заповедник. Иначе мы бы наслаждались днём рождения сына в очередном кафе или ресторане. Но это, – женщина окинула взглядом территорию заповедника, – лучший подарок ему, да и мне. Я люблю тебя, дорогой!

– И я люблю тебя, дорогая! И сынишку нашего!

– Папа! Папа! – радостно закричал сын. – А пошли посмотреть на бегемотов? Говорят, у них большие пасти и они могут прожевать целый арбуз! Это правда?

– Видно, жирафы отменяются, – подмигнула жена мужу.

– Да, сын, могут, – ответил мужчина, подмигивая жене в ответ. – Бегемоты и не такое могут!

Сынишка взглянул в сторону вольера с бегемотами и побежал к большим, но грациозным животным. Жена радостно устремилась за ним. Муж двинулся за семьёй.

Поворачиваясь, он случайно задел деревянную ограду, сколоченную из неотёсанных брёвен и зацепился предплечьем за торчащий гвоздь.

«Получше бы забили его, а то дети могут пораниться», – подумал мужчина. Он даже и не заметил, что эта небольшая травма не вызвала у него боли. Совсем-совсем.

Счастливчик вздрогнул. Читая книгу, он задремал и чуть не выронил её. Похлопав глазами, он осмотрелся, не понимая, где находится. Уж очень ярким был сон. Таким ярким и манящим, что даже не хотелось возвращаться в реальность. Но он уже проснулся. И теперь сожалел, что его семья была с ним не взаправду, а всего лишь в очень натуральном сне.

Мистер Счастливчик поворошил кочергой угли и подбросил поленья в угасающий огонь. Чтобы не околеть ночью, необходимо было постоянно подкармливать очаг дровами. В попытке согнать сонливость Счастливчик встал и вышел на крыльцо. В небе светили звёзды, складываясь в причудливые созвездия с не менее причудливыми названиями. И полнейшая тишина вокруг. И это было очень печально, ведь тишина напоминала о прежних временах – до катастрофы.

Привыкшему к постоянному шуму города Счастливчику было нелегко переносить загородную тишину. Отчего-то становилось беспокойно. Природа, даже в самой глуши, обычно наполнена разными звуками. Птицы, насекомые. Но не сейчас. Сейчас было очень тихо, даже кузнечики не слышались, и это нервировало Счастливчика и слегка пугало.

Чтобы отогнать давящую тишину, он включил радио, которое поставил на крыльце именно ради таких случаев. Из динамика послышался белый шум. Хоть какой-то звук в море тишины. Крутить ручку приёмника было бесполезно. Никто ничего не передавал. Ни на длинных волнах, ни на коротких. Ничего, кроме белого шума. Ещё бы. Кому теперь передавать хоть что-то по радио? Людей-то больше нет...

Несколько лет назад случилась катастрофа. Мистер Счастливчик точно и не знал, какая именно. Но вероятнее всего – техногенная. Ядерных взрывов не было. Следов вируса тоже. Просто что-то случилось, и люди стали умирать. Один за другим. Быстро и безболезненно. Пока не умер предпоследний. И остался лишь один – Мистер Счастливчик.

Ирония судьбы. Сказочное везение, если так можно выразиться. Мистер Счастливчик не умер. Всё было крайне сложно и крайне печально. Хотя... это как посмотреть.

Мистер Счастливчик обладал острым умом. Потому он работал с передовыми технологиями. Будучи высококлассным инженером, успел поучаствовать во множестве интересных проектов. До Вымирания, естественно. Так он называл катастрофу. И именно последний проект, над которым он работал, и спас ему жизнь.

Он работал в передовой лаборатории, занимавшейся изучением стазисного поля. Перспективная разработка для отправки людей в длительные космические перелёты. Эта технология могла заменить криогенику. И была намного удобнее. Не нужно замораживать людей – достаточно просто поместить их в стазис, где все биологические процессы организма останавливались. Затем, после выхода из стазиса, процессы возобновлялись, как будто бы и не прерывались. Словно человек застывал на длительное время между двумя ударами сердца.

Естественно, довести технологию до ума получилось не сразу. Но в итоге она стала безопасна. Её протестировали на животных, а затем и на людях. Предстояло финальное испытание технологии на большой группе людей разного возраста и даже с некоторыми заболеваниями. Эксперименту пророчили успех.

И тут случился инцидент. Когда Мистер Счастливчик настраивал одну из стазис-капсул, та случайно активировалась и замуровала его внутри. И всё бы ничего, но поломка повлияла на таймер капсулы. По идее, он должен был отключить стазис-капсулу через несколько дней, как резервный выключатель в эксперименте. Но таймер не сработал, и Счастливчик застрял в капсуле на долгий срок.

Что было во время его пребывания в стазисе – он не знал. Но выйдя из него, благодаря сдохшей батарее, питающей камеру, – обнаружил мир без единого человека. Он сразу помчался к семье, чтобы удостовериться, что с ними всё в порядке. И пока он бежал домой – ведь общественный транспорт уже не функционировал, – ему открылась ужасающая картина. Людей не осталось. Лишь их разлагающиеся останки. От чего у выжившего помутилось сознание и желудок скрутился в узел. Счастливчик ещё долго дрожал при виде останков бывших соплеменников. Городского зверья тоже не было. Ни собак, ни кошек, ни птиц, ни даже крыс. Хотя последние должны были пировать на останках человечества.

Мистер Счастливчик ворвался домой – семьи больше не было. И всё счастье покинуло его...

Он искал выживших, но не смог найти никого...

Глава 2. Сложный выбор

Наступил полдень. Но часы, стоящие на каминной полке, не издали ни звука. Кому-то это могло показаться странным, но только не Мистеру Счастливику. Часы – злейший враг человека. Они управляют им. Порабощают его. Отмеряют время, когда ему есть, когда спать, когда работать и отдыхать и даже когда размножаться. Они щёлкают стрелками, словно погонщик кнутом. А человек просто этого не осознаёт. Человек привык к этому. Привык за все те века, что люди отсчитывали время с помощью часов – солнечных, песочных, механических или атомных.

Лучшее, что могло случиться в постапокалиптическом мире одиночества, – это отказ от часов. Мистер Счастливчик остановил все часы в доме: ему некуда было спешить. В отсутствие постоянной погони за временем он научился прислушиваться к собственному ритму и ритму природы.

Прошло несколько дней после похода в лес. Дрова были на исходе и скоро нужно было идти снова их собирать. Но сейчас Мистера Счастливику заботило совершенно другое.

Дни становились короче, а на улице холодало. Небо омрачилось тучами. Они всё чаще и чаще закрывали солнце. Причины этому Счастливчик не знал. Это точно не было нормальным сезонным явлением. Но разобраться в происходящем выживший не мог – для этого ему бы потребовались бы всякие сложные машины из какой-нибудь лаборатории, в которых он не смыслил. Кроме того, им не хватало самого главного элемента – питания. Энергии.

Вскоре после того, как люди вымерли, вся инфраструктура, так бережно и кропотливо выстраиваемая человечеством, пришла в негодность. Электростанции перестали давать энергию. Электричество исчезло. Конечно, оставалось ископаемое топливо, но в середине двадцать первого века его сильно потеснили зелёные технологии. Нельзя сказать, что это было плохо. Просто так шёл прогресс. Потому преобладающее большинство источников энергии было или на новых солнечных батареях, или на старых атомных и угольных электростанциях. А последние перестали функционировать.

Конечно, были ещё и гидроэлектростанции, но, к несчастью Мистера Счастливику, их рядом не оказалось. Да и нельзя было с уверенностью сказать, что и они не вышли из строя без заботы человеческих рук.

Потому уменьшение количества солнечного света сильно осложняло жизнь единственного выжившего. Понаблюдав несколько дней за светом и тучами и произведя несложные расчёты, Счастливчик понял, что скоро солнечного света ему перестанет хватать даже на такие небольшие энергозатраты, как освещение, подогрев воды и радио. А когда придут холода, нужно будет отапливать дом. А суперлитиевая батарея, спасавшая в прошлые зимние периоды, на днях вышла из строя. Мистер Счастливчик использовал её для накопления энергии, которой хватало на все зимние нужды прошлых сезонов. Теперь зимовка начинала серьёзно пугать его. Да и сама ферма не была приспособлена, как в древности, к отоплению посредством камина. Он был скорее декоративный, чем функциональный. Ну кто мог знать?

Счастливчик оторвал зубами кусок вяленого заячьего мяса и со вздохом направился в сторону леса. Кроме сбора дров ему предстояло решить один важный вопрос. Остаться ли в этом месте, которое стало ему почти родным? Или направиться в другое, в поисках необходимых ему условий для выживания?

– Дорогой! Он толкается! Приложи руку!

Жена была в восторге от беременности. Как, впрочем, и её муж. Он нежно положил ладонь на живот супруги. И о чудо! Он не почувствовал, как младенец двигается в утробе матери. Сын.

- Какой же он непоседа! Весь в отца, – сказал муж жене и, улыбнувшись, поцеловал её.
- Ничего, вырастет, так вообще разойдется! – игриво ответила жена.
- Обязательно! Но мы справимся, – поддакнул муж.

Ходьба по лесу освободила разум Мистера Счастливого от грустных мыслей. Так ему было проще принять непростое решение – уйти. Обстоятельства вынуждали покинуть насиженное место и найти новый дом.

И в подтверждение его решения показался знак. В полной, почти гробовой тишине леса вскрикнул ворон. Это было странно, так как в этой части леса Счастливчик давно не встречал животных. Только шелест листьев и хруст веток.

И крик ворона разнёсся по лесу, словно гром. Затем ещё раз, но уже ближе.

Мистер Счастливчик увидел чёрную, как нефть, птицу. Она грациозно приземлилась на ветку ближней сосны. Пернатая показывала себя со всех сторон и явно хотела, чтобы выживший хорошенько её разглядел. А затем, сочтя, что представление закончено, ворон с криком взмыл в небо и полетел на юг. Мистер Счастливчик проследил за его полётом и понял, что птица летит к Мегалополису. Ну чем не знак?

Вернувшись в дом, Счастливчик наскоро приготовил себе ужин и быстро съел его, даже не почувствовав вкуса. Все его мысли были сосредоточены на Мегалополисе. А ведь он знал его. Знал, но почему-то не мог вспомнить.

Вдруг выживший вскочил с кресла и бросился в другую комнату. Там он распахнул дверцы комода и достал свёрнутые карты. Смахнув рукой вещи со стола, он разложил карты и начал водить по ним пальцем, бормоча себе под нос.

– Мегалополис... Он рядом. Ну, не то чтобы совсем, но дойти до него вполне можно. А если повезёт, по дороге я могу найти транспортное средство. И оно точно поможет мне добраться до цели. Но почему меня так туда тянет? Почему? – задался вопросом Счастливчик. А потом сам же на него и ответил: – Да потому, что там есть завод робототехники!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.